

УДК 811.161.1.

ИРИНА НИКОЛАЕВНА ДЬЯЧКОВА

старший преподаватель кафедры русского языка филологического факультета ПетрГУ

gyla4@yandex.ru

СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА

В статье рассматриваются вопросы эволюции грамматического разряда собирательных числительных на начальном этапе формирования русского литературного языка (XVIII век). Автор ставит перед собой задачу на основе анализа семантики и жанрово-стилистических тенденций в функционировании собирательных счетных слов определить их место в ряду других количественных наименований эпохи.

Ключевые слова: собирательные числительные, литературный язык, историческое развитие, грамматическая семантика, функционирование

При рассмотрении формирования имен числительных как части речи особого внимания заслуживают так называемые «собирательные» счетные слова. В современном русском литературном языке они представляют собой замкнутую непродуктивную группу числовых обозначений, образованных от количественных числительных первого десятка (за исключением лексемы «один»): от *двое*, *трое*, *четверо* и т. д. до *десятеро*. Основанием для отнесения указанных лексем к категории числительных является общность с количественными нумеративами грамматическая специфика: отсутствие категорий рода и числа, оппозиция прямых и косвенных падежей в системе словоизменения и синтагматике собирательных слов, невозможность иметь прилагательное в качестве определения и др.

Несмотря на то что грамматические особенности собирательных нумеративов получили достаточно глубокое освещение во многих общих трудах отечественных лингвистов XIX–XX веков (А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, А. А. Шахматова, В. В. Виногра-

дова), а также в некоторых специальных работах (А. Е. Супруна и др.), очень сложно составить более или менее целостное представление о *развитии данной категории* слов в русском языке: специфика эволюции собирательных числительных была и остается на периферии исторической русистики.

При этом самый поверхностный анализ языкового материала показывает, что многие морфологические признаки счетных слов с собирательным значением, а также особенности их синтагматики продолжают, по всей видимости, активно формироваться несколько позднее, чем у количественных числовых лексем – в период сложения национального литературного языка, вплоть до конца XIX века. Именно в это время резко сужается употребительность собирательных нумеративов: сокращается количество соответствующих лексем и уменьшается число имен существительных, с которыми они могут соединяться в речи. Ограничиваются их возможности и в пределах допустимых словосочетаний, что особенно касается форм косвенных падежей (ср.

норму украинского языка – совпадение количественных и собирательных счетных наименований в одной форме косвенного падежа).

Необходимо признать, что указанные процессы не получили полного, систематического отражения в лингвистической литературе, а потому анализ собирательных нумеративов на протяжении XVIII века в контексте общей грамматической эволюции русских счетных слов остается насущной задачей исторической русистики.

ВОПРОС О КАТЕГОРИАЛЬНОЙ СЕМАНТИКЕ СОБИРАТЕЛЬНЫХ НУМЕРАТИВОВ

Как известно, исторические преобразования в значении счетных слов, отражающие «успехи человеческого мышления в познании природы и общества» [15; 40], привели, в конце концов, к сложению имени числительного как части речи. В судьбе собирательных наименований эволюция их лексических значений также сыграла не последнюю роль.

В современной отечественной лингвистике отношение к термину «собирательные» неоднозначно. Ряд исследователей считают это определение условным, полагая, что указанные лексемы не имеют никакого другого значения, кроме «совокупности предметов, состоящей из такого количества, которое названо производимым количественным числительным» [12; 121]. Аналогичной точки зрения придерживается и Л. Л. Буланин, утверждая, что «заслуживает предпочтения позиция тех авторов, которые не усматривают в собирательных числительных особого семантического своеобразия в сравнении с количественными» [3; 81]. Под тем же углом зрения данный вопрос рассматривается в вузовских учебниках А. Н. Гвоздева, Н. С. Валгиной, Е. А. Галкиной-Федорук, в «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка.

Традиционным остается взгляд на указанные нумеративы как «группу слов, обозначающих определенное количество предметов как совокупность», целостность [6; 380]: данная точка зрения представлена во всех академических грамматиках, ее разделяют В. В. Виноградов, авторы вузовских учебников под редакцией Д. Э. Розенталя, П. А. Леканта, Е. И. Дибровой и др. Такое восприятие собирательных наименований в грамматической разработке счетных слов, как установлено нами, имеет давнюю историю, что подтверждает следующее замечание одного из видных филологов XVIII века А. А. Барсова: «*Двое, трое, пятеро, десятеро...* соединение и общество или сходство, существования действия и страдания между лицами или вещами исчисляемыми значат» [2; 506].

Для существования как первой, так и второй точки зрения имеются достаточно веские основания. Действительно, грамматическая семантика собирательных числительных, их функционирование в современном языке указывают на «пережи-

точность» данной группы слов (термин А. Н. Гвоздева), их морфологическое объединение с собственно количественными нумеративами.

Так, показательна утрата собирательными числительными в современном языке косвенных падежей в сочетаниях с существительными *Pluralia tantum*, а также субстантивами, обозначающими парные предметы, где по грамматической норме их последовательно заменяют соответствующие количественные образования. В любых количественно-именных сочетаниях подлечит запрету употребление собирательных словоформ в творительном падеже, что отмечается еще в лингвистических сочинениях XIX века (А. А. Потебня, А. А. Шахматов). Ряд конструкций с подобными образованиями признаются современными лингвистами разговорными или даже просторечными, то есть выводятся за рамки литературного употребления (сочетания с названиями детенышей – *пятеро волчат, семеро козлят*).

О «слиянии» собирательных и количественных числительных свидетельствуют и данные современных говоров: в результате скрещивания склонений числительных *двое, трое, четверо* и соответствующих количественных образований возникают такие формы, как *двойма, тройма, двойми, тройми* и подобные, выступающие в количественном значении [10; 10]. Так же как и в литературном языке, диалектное употребление косвенных падежей собирательных нумеративов, по сути, ограничено количественно-именными сочетаниями с существительными, обозначающими лиц мужского пола [10; 12].

Значение собирательности у указанных числительных не отмечается рядом авторитетных словарей (см. Словарь Ушакова, 1935; Малый академический словарь (МАС), 1981; Большой академический словарь русского языка (БАС), 2006): при определении собирательных лексем в них отмечается только сема количества, выраженная производящей основой.

Именно близость семантики количественных и собирательных счетных слов объясняет появление у них общих грамматических признаков, которое в конечном итоге привело к объединению данных числовых наименований в одну часть речи.

Однако при всей обоснованности подобной интерпретации значения собирательных числительных в современном русском языке не менее состоятельна (прежде всего, в контексте исторического развития – об этом ниже) и иная точка зрения. Так, по нашему мнению, с позиции функционально-семантического подхода к числительным как части речи, представленного в работах Л. Д. Чесноковой, М. Ф. Лукина (заметим, что рассматриваемый разряд в них остается без внимания), собирательные слова имеют ряд существенных отличий от всех других числовых наименований.

Во-первых, указанные образования не участвуют в процессе счета, то есть степень отвле-

ченности числового обозначения у них гораздо меньше, чем у других числительных, и в связи с этим они не могут заменяться цифрами на письме. Во-вторых, сочетаемость их с конкретными существительными ограничена, в отличие от количественных и порядковых нумеративов. В-третьих, значение большинства числовых наименований (*пять, пятый, две пятых*) актуализируется внутрисловно и в контексте не нуждается [17; 99], тогда как для определения семантики собирательных необходима синтагма (напр., *двое валенок* и *двое детей*), а вне количественно-именного сочетания (*или двое*) они однозначно понимаются как наименования лиц.

Таким образом, приходится согласиться с тем, что собирательные образования в современном русском языке «гораздо “субстанциональнее”, предметнее, чем прямые обозначения чисел», потому что «в значении и употреблении собирательно-разделительных (в терминологии автора. – И. Д.) числительных обнаруживаются категории лица и совокупности» [5; 258]. Добавим, что на использование собирательных лексем для индикации категории мужского лица в сочетаниях с существительными указывал еще А. А. Шахматов, по этому же пути в осмыслении своеобразия указанной группы числительных идут Р. О. Якобсон, А. Е. Супрун.

Семантическое противопоставление собирательных и немаркированных нумеративов подтверждается и другими данными. Так, одним из существенных направлений в эволюции счетных слов является тенденция к устранению синонимии в системе имен числительных, на что указывает А. Е. Супрун [15; 9]. В диахронии она обнаружила себя в утрате менее употребительных лексических вариантов, которые называли одно и то же числовое понятие: синонимов, связанных с разными способами счета (*двадцать без одного, полпята*), специальных обозначений для количеств отдельных предметов (*горсть, полкопы, полкопны*) и др. Показательно, что собирательные нумеративы, имеющие то же числовое значение, что и количественные числительные, не оказались наряду с перечисленными выше счетными образованиями достоянием истории языка. Единственное сохраняющееся в русском языке варьирование числительных может быть, на наш взгляд, объяснено не иначе как присутствием существенных семантических различий между двумя рядами обозначений одного количественного признака.

СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В ЯЗЫКЕ ДОНАЦИОНАЛЬНОГО ПЕРИОДА

Выше отмечалось, что эволюция собирательных счетных слов эксплицирована в научной литературе крайне фрагментарно и зачастую неоднозначно. Это в огромной степени объясняется сложностями их изучения в речевой практике прошлого, поскольку письменные памятники до-

несли до нас побуквенное написание этих числовых наименований в редчайших случаях, тем более их ограниченность сферой разговорной речи еще более сузила фактологическую базу их исследования. Кроме того, противоречивость грамматических представлений о собирательных нумеративах, о характере и последовательности происходивших с ними изменений проистекает из их семантической расплывчатости.

Большинство исследователей полагают, что дистрибутивное (в более старой терминологии – *разделительное, распределительное*) значение у собирательных лексем было первичным. Именно такая семантика когда-то была характерна, по мнению А. А. Потебни, Л. А. Булаховского, В. В. Виноградова, А. Е. Супруна, для этих счетных слов в сочетаниях с субстантивами, имеющими только форму множественного числа: «...употребление *двое, трое* и т. п. в сочетании с *Pluralia tantum* (*двое ножниц, трое саней* и т. п.) явно основано на старом дистрибутивном значении этих числительных» [5; 257]. По мнению А. Е. Супруна, достаточно рано (уже в древнерусский период) эти числительные, находившиеся в указанных сочетаниях в форме множественного числа (типа *двои ножницы*), начинают отражать в структуре своего значения только количественный признак. Разделительное же значение продолжало сохраняться у согласовательных форм единственного числа.

В дальнейшем историческое развитие данных образований определило «возобладавшее» (В. В. Виноградов) в их семантике собирательное значение, выразителями которого стали числовые наименования *двое, трое* и т. д., застывшие в номинативе в форме наиболее абстрактного, нейтрального среднего рода. Л. А. Булаховский склонен связывать судьбу новых форм с влиянием неопределенно-количественных числительных типа *сколько*. А. Е. Супрун же предполагает, что, «возможно, это было некоторое отвлеченное обозначение совокупности, подобное тому, как в современном языке слово *белое* является обозначением некоторых предметов белого цвета» [15; 118]. Последняя точка зрения особенно созвучна высказанным на столетие ранее идеям А. А. Потебни о субстантивном характере появившихся форм собирательных лексем (он не отделял их от существительных). Данную особенность также отмечали А. А. Шахматов, В. В. Виноградов; «некоторую субстантивацию» счетных слов в плане диахронии усматривает в номинативах количественно-именных сочетаний с собирательными Л. И. Станкевич [11; 12].

Форма множественного числа и генетический дериват среднего рода в связи со своей функциональной и семантической специализацией получают разную интерпретацию в исследовательской литературе. Так, А. А. Шахматов [18; 148], указывая на узкую сферу функционирования собирательных лексем в древнерусском

и старорусском языках, рассматривал их лишь как словесные заменители соответствующих количественных наименований. Причем у Шахматова новые образования, генетически связанные со средним родом, квалифицируются в И.–В. падежах как имена существительные.

Л. А. Булаховский считал собирательными только новые формы, а в лексемах типа *двои* никакого другого значения, кроме количественного, не усматривал [4; 202]. Подобная точка зрения отражена и в кандидатской диссертации Л. Н. Дровниковой. Несмотря на то что исследовательница не различает по значению числительные в указанных выше сочетаниях (они представлены как собирательные), замечание о том, что новым формам среднего рода «было передано значение мужского» [8; 13], по сути, ограничивает круг собственно собирательных слов употреблением с существительными, имеющими значение лица.

В несколько ином свете дается семантическая характеристика собирательных образований в очерке Г. А. Хабургаева: по его мнению, значение совокупности было исторически присуще всем формам указанных счетных слов. Причем старая согласовательная форма и новая оказались в дополнительной дистрибуции. Первая «подчеркивала единство, целостность того множества, которое выражено существительным во множественном числе», например *двои сани*, *трои пчелы* (в значении *улы*), вторая представляла «совокупность живых существ как нечто целостное, находящееся в определенных связях друг с другом» – *двое детей* [16; 266–267].

Семантика собирательности, множественности, выраженной как совокупность, возможно, более проявлявшаяся изначально, по всей видимости, под влиянием других счетных образований, в семантической структуре собирательных нумеративов достаточно рано уступила место значению количества. В диахронии это вызвало утрату более конкретных (качественных) значений в употреблении древнерусских прилагательных типа *двой*, *трой* и т. д. (см. в Словаре XI–XVII веков сочетания *двоя радость*, *двои деньги* – в значении «двойные», а также *двои речи* – в значении «двойственные, противоречивые», отмечаемые в древнерусском и старорусском языках). Исчезновение указанных сем у собирательных нумеративов А. Е. Супрун также связывает с появлением специальных дериватов-прилагательных *двойной*, *двойкий*, выражающих эти оттенки значения [14; 16].

По свидетельству Л. Н. Дровниковой, современный тип склонения с противопоставлением прямых и косвенных падежей в словоизменении и парадигматике количественно-именного сочетания у собирательных числительных устанавливается уже в XV веке [8; 13]. Но наряду с новой системой словоизменения сосуществует и старая, где формы именительного падежа собирательных лексем не управляют, а согласовыва-

ются. И. М. Багрянский говорит об одинаковой употребительности и тех, и других форм в языке XIV–XVII веков [1; 31].

Таким образом, по данным предшествующих исследований, установившаяся вариативность словоизменительных типов собирательных наименований с сугубо грамматической точки зрения не позволяет отнести их к числительному как части речи в указанный исторический период.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОБИРАТЕЛЬНЫХ НУМЕРАТИВОВ В XVIII ВЕКЕ

Предпринятый нами анализ более позднего языкового материала показывает, что семантическое, а вслед за ним и грамматическое сближение количественных и собирательных числительных своеобразно развивается в XVIII веке. Фактологическую базу нашей работы составили собирательные нумеративы, полученные путем сплошной выборки из значительного корпуса письменных текстов XVIII века. Около 90 конструкций с собирательными наименованиями (общее число выделенных синтагм с числительными достигает 4 тысяч) были зафиксированы в основном в источниках, имеющих отношение к сфере научно-популярной (учебной) и художественно-повествовательной литературы. Наибольшее количество их словоупотреблений отмечено в «Арифметике» Л. Магницкого (1703), «Географии генеральной» Г. Варениуса (1718), героической поэме «Аргенида» В. К. Тредиаковского, «Описании земли Камчатки» С. П. Крашенинникова (1755), «Письме русского путешественника» Н. М. Карамзина.

1. Во-первых, рассмотренный материал позволяет говорить о заметном *сокращении* в XVIII веке общего количества возможных *собирательных образований* в русском языке. Данные письменных памятников предшествующего периода свидетельствуют, что теоретически такие наименования могли существовать для выражения любого числа. Подобно количественным и порядковым, собирательные нумеративы могли быть простыми (*девятиро*), сложными (*осмеронадцатеро*) и составными (например, *тридцать семеры*). Однако в речевой практике сложные, а тем более составные образования, как правило, функционировали только в количественных сочетаниях, где *номинатив* числительного выступал в *согласованной форме* множественного числа. См. в словаре русского языка XI–XVII веков: «куплено у каргополца *восмидесятеры* верхоньки» (Архив Онеж. мон-ря, 1673), «*осмнадцатеры* миткали узкие, *сорок девятиеры* миткали широкие» (Кн. пер. казны Ник., 1658), «*сорокѣры* рукавицы верхниці», а также пример подобного употребления в XVIII веке: «*140ры* рукавицы борановые» (Архангельск. книга, 1710). Судя по представленным контекстам, указанные собирательные нумеративы характеризовались не только ограниченными син-

тагматическими возможностями (все они, кроме *оснащатеро*, в исторических словарях имеют помету «употребляются при существительных, обозначающих парные предметы»): очень узкой, далекой от основных источников формирования будущего литературного языка была сфера их функционирования в живой речи. Данное замечание объясняет тот факт, что в исследованных памятниках гражданской печати XVIII века ни одного подобного сочетания нам не встретилось.

В исследуемом материале собирательные числительные в форме множественного числа в номинативе представлены всего лишь 13 лексемами (и только в И.–В. падежах), по значению не выходящими за пределы «четырех»: *двои* – 8 раз, *трои* – 4 раза, *четверы* – 1 раз. Контекст, в котором они встречаются, тоже ограничен: с субстантивом «двери» – 2 раза, «сутки» – 3 раза, «ворота» (в вариантах – ворота, воротца, ворота, врата) – 4 раза, а также «палаты», «жерновы» и «хоньбы», то есть вид одежды (последнее отмечено 2 раза – у Крашенинникова в «Описании земли Камчатки»).

Составные собирательные образования в форме нового номинатива (исконно – среднего рода) в текстах как XVIII века, так и письменном языке предшествующего периода, судя по имеющемуся в распоряжении материалу, в речи не употреблялись; сложные нумеративы со значением чисел второго десятка и далее появляются в речевой практике нового времени достаточно редко, например: «Мы уже погребли двадцатерых из наших людей» (Путеш. Белла в пер. М. Попова, 1776, с. 126). В грамматиках второй половины XVIII века, а также «Словаре Академии Российской» (1789–1795) лексический состав собирательных, как показывает анализ словоупотреблений, доведен лишь до обозначения десяти, и только в рукописном сочинении А. А. Барсова, более других грамматик ориентированном на устную речь, в ряду собирательных отмечаются такие образования, как *двадцатеро*, *сотеро*, причем последнее с пометой «не далее». При этом показательно, что ряд количественно-именных сочетаний (более десяти синтагм), которые автор приводит ниже, включает в себя собирательные, образованные только от десяти первых чисел счетного ряда.

Проанализированный материал показывает, что реализация теоретически неограниченных возможностей образования слов с числовым собирательным значением постепенно наталкивалась в сфере их функционирования на ряд серьезных препятствий. Получившие большое распространение в обиходно-деловом языке XV–XVII веков согласовательные формы различных по структуре собирательных образований (кроме наименований, соотносимых с числами первого десятка) начинают выходить из употребления. Новые формы, управляющие существительным в номинативе, похоже, изначально были представлены более ограниченным

количеством лексем, которое в XVIII веке также значительно сокращается. Исторический процесс семантического сближения количественных и собирательных счетных слов, в первую очередь, охватил согласовательные формы номинативов, в которых количественное значение было актуализировано гораздо сильнее, чем другие его элементы (например, сема совокупности, целостности множества). В этом плане показательна цифровая замена в примере «140ры», которая несвойственна для собирательных счетных слов. Данный сдвиг значения был обусловлен, по всей видимости, атрибутивной функцией форм, где числовое значение, не связанное с субстанциональностью, свойственной номинативам единственного числа, проявлялось особенно ярко.

В результате совпадения значения количественных числительных и указанных форм собирательных образований к XVIII веку, по нашим данным, необыкновенно расширился диапазон подобных дериватов, которые теперь в своей структуре могли отражать практически любое число (естественно, в пределах тех величин, которыми пользовался человек Средневековья). См. многочисленные примеры таких образований в языке деловой письменности XV–XVII веков, представленные в словарях, а также в работах А. А. Шахматова, Л. А. Булаховского, Г. А. Хабургаева.

Поддержан этот процесс был, судя по всему, еще одной особенностью, появившейся в языке, по утверждению А. Е. Супруна, достаточно поздно (позже XIII века). Как только основная группа счетных слов стала утрачивать предметное значение, в употребление начинают входить новые образования с числовым значением, призванные эту нишу заполнить: *пятерка*, *двойка*, *четверик*, *тройня*, *десяток* и т. д. (показательно, что они в большинстве своем образованы именно от собирательных лексем). Потребность языка «в выражении понятия числа с оттенком предметности» [14; 19], по всей видимости, в связи с дальнейшим развитием отвлеченного математического мышления, особенно бурным в XVIII веке, значительно ослабла, что привело к сокращению образований с числовой семантикой и, в первую очередь, тех, которые, как собирательные формы множественного числа, дублировали в плане содержания соответствующие количественные нумеративы.

2. Рассматриваемый процесс оставил свой интересный след и в историческом словообразовании. В течение XVIII века постепенно **выходят из употребления сложные слова, имеющие в своем составе корни собирательных числительных**, которые заменяются формами соответствующих количественных слов (особенно много таких лексем было с нумеративами *двое*, *трое*, *четверо*). Несмотря на то что старые образования широко используются и в языке XVIII века, количество производных, созданных

на основе новой словообразовательной модели, по сравнению с предшествующим периодом значительно увеличивается и начинает вытеснять дериваты на основе собирательных числительных. Так, в «Словаре русского языка XI–XVII веков» сложные слова с корнем *двое* представлены 56 лексемами, а с формой родительного падежа *дву-* (подобно словам, имеющим в составе числительные от *пяти* и выше) всего лишь 12 образованиями, но, что замечательно, очень употребительными в речевой практике, судя по контексту (*двугривенный, двулѣток, двупудовый, двуведерный, двуалтынный* и другие); с корнем *двух-* составителями отмечено только одно слово – *двухривеночный*. В XVIII веке наблюдается следующая картина: количество дериватов с собирательными в принципе остается тем же (по нашим подсчетам – 53), но зато число образований с *дву-* увеличивается десятикратно (в «Словаре русского языка XVIII века» отмечено порядка 130 лексем). Причем 26 сложных слов с корнем *дву-* функционируют как варианты соответствующих образований с корнями собирательных числительных (*двоебрюшный* и *двубрюшный, двоегласный* и *двугласный, двоеглавый* и *двуглавыи, двоегнѣздный* и *двугнѣздный, двоеженец* и *двуженец* и другие). Расширяет сферу употребления и корнеслов *двух-*, который как новая окончательно узаконенная языковой практикой XVIII века форма родительного падежа начинает укреплять свои позиции и в словообразовании. В «Словаре русского языка XVIII века» подобных производных отмечено 12 (*двухкопеечный, двухрублевый, двухфунтовый, двуведерный, двухгодовой* и т. д.), и использование новой словообразовательной модели опять находится в прямом соответствии с употребительностью числовой лексемы.

Сосуществование старых и новых форм сложных производных с корнями числительных в языке рассматриваемого периода, установленное нами по «Словарю языка XVIII века», хорошо подтверждается и нашими материалами: у Крашенинникова в «Описании земли Камчатки» – «двоезубнымъ гребнемъ» (с. 206), «пестикъ троугранный» (с. 194), «четвероугольный столъ» (с. 256), но – «съ трехлѣтнаго младенца» (с. 96), «двулѣтнаго теленка» (с. 258), «трехъ-годовалые (гольцы (рыбы). – И. Д.) бываютъ головасть» (с. 323); а также «двоеличнаго Януса» (Триумф. врата, 1721, с. 4) и «двуличную... расправу» (Капн. Ябеда, 1798, с. 98), «щитъ съ изображеннымъ на немъ двоеглавнымъ орломъ» (Описан. корон. Ек. II, 1762, с. 3) и «отъ герба двуглавног о орла» (Тред. Аргенида, 1751, с. XXI – предисл.), «пятерократнымъ», но здесь же «седемьократнымъ» (Математ., 1728, с. 18) и т. п.

Здесь нужно отметить, что некоторые производные образования с корнями собирательных, по-видимому, настолько укоренились в русской речи (совр. *четвероногие, двоегла-*

стие и некоторые другие), что новая словообразовательная модель в их структуре так и не закрепились. Несмотря на это замечание, факт остается фактом: отражая в составе сложных производных слов только числовой признак, собирательные нумеративы в XVIII веке и в этом отношении вытесняются количественными числительными.

3. Процесс семантического сближения количественных и собирательных нумеративов, активно развивающийся в XVIII веке, отражается и в **функционировании форм одних числовых образований в значении других**. Особенно отчетливо процесс смешения количественных и собирательных числительных проявляется в Петровскую эпоху и отмечается в большей степени в косвенных падежах: в «Географии генеральной» (1718) – «дистанция двоихъ звѣздъ» (с. 52), «двоими путми происходить» (с. 83), «преходъ двоихъ дней» (с. 84), «едину отъ двоихъ сентенций» (с. 135), «глубина есть близъ большихъ двоихъ сажень» (с. 254), но и «двумя милями» (с. 178), «двома мѣстами» (с. 212), «двухъ миль» (с. 313), первыхъ двухъ способовъ (с. 340) и др.; а также «во двоихъ тѣлесехъ соединенная мысль» (Приклады, 1708, с. 196), «кромѣ тѣхъ двоихъ полковъ» (Мат. Екат. закон. ком., ч. 14, с. 13 – пример из «Словаря русского языка XVIII века»), «между *двоима* масличными древами» (Триумф. врата, 1721, с. 7 – об.), «двоихъ животныхъ посредѣ ты будешь истинно познанный» (Тред., Собр. соч., т. 2, 1752, с. 120). Кстати, предпоследний пример показателен не только как результат смысловой контаминации, но и формальной (флексия *-ма*).

Не будем отрицать, что неразличение форм собирательных и количественных наименований в указанных контекстах, связанных, по сути, только с нумеративом *двое*, может быть объяснено и тем, что основа *дво-* наряду с *дву-* в период перестройки системы склонения числительных нередко выступала при формообразовании косвенных падежей у *два* (ср. в совр. укр. языке – формы косвенных падежей *двохъ, двома*). Однако думается, что при существенных расхождениях в семантике подобная синонимия количественных и собирательных наименований вряд ли могла быть возможной.

Подтверждением сказанному можно считать то, что подобное смешение наблюдается и в И.–В. падежах количественно-именных сочетаний: «случится тебѣ трои двѣли слагати» (Арифм. Магн., 1703), «Внуши же себѣ двоя веденія в грѣсѣ семъ» (Перв. учение отр., 1721, с. 24), «Што, Аша? вѣтъ толчков пригоршни влѣпит двои» (Попов, Анята, 1772, с. 115 – из «Словаря языка XVIII века»), «Церерины тайны были двои» (Тред., Аргенида, 1751, с. 566). Подобные сочетания зафиксированы и в грамматике А. А. Барсова: *двои книги, четверы ключи* [2; 506], хотя в последнем случае налицо не просто словесная, а синтаксическая синонимия.

Указанные примеры в соотношении с общим количеством отмеченных словоупотреблений показывают, что функционирование собирательных наименований в значении количественных большого распространения в языке не получило, фактически оставшись за рамками формирующихся норм литературного языка. Этому способствовала и дальнейшая стабилизация морфологической системы, закрепленной во второй половине XVIII века грамматикой М. В. Ломоносова. Заметим, что это явление на данном историческом этапе и не могло иметь иного масштаба в связи с общей тенденцией вытеснения собирательных слов количественными на периоду употребления.

В силу того что в старой (согласовательной) форме номинатива, как мы уже отмечали, количественное значение было актуализировано в гораздо большей степени, чем у соответствующих форм бывшего среднего рода, то первично, по всей вероятности, именно она получает возможность такого функционирования, не затрагивая сферу сочетаний с одушевленными субстантивами, где исторически закрепилась новая форма. Лишь после окончательного объединения в XIX веке числительных типа *шестеро* и *шестеры* возможность выражать чисто количественное значение перешла и к номинативам на *-о*. См. у Даля замечание к слову *восьмеро* – «о живых и неживых предметах», и примеры: *восьмеро лошадей, восьмеро стульев, саней* [7; 247].

4. Общий **процесс семантического и функционального сближения** собирательных числительных как между собой, так и с количественными наименованиями, в конце концов, **коснулся и более «субстанциональных» форм среднего рода**.

По нашим данным, в XVIII веке он проявляется следующим образом.

Самым употребительным образованием оказываются наиболее частотные и в современном языке лексемы *двое* (в форме И.–В. падежа зафиксировано 28 употреблений, в косвенных падежах – 3), *трое* (13–5); функционирование других слов остается на уровне одного-двух примеров: *четверо* (2–1), *пятеро* (2–1), *шестеро* (отсутствуют), *семеро* (в виде *седмеро* – 1), *восьмеро* (в виде *осмеро* – 1), *девятеро* (в именительном падеже – 1 раз), *десятеро* (1–1). Форма *сотеро* отмечена нами только один раз в «Арифметике» Магницкого (1703) в составе наречия «*въ сотеро*». Выше мы уже приводили словосочетание с числительным *двадцатеро*, зафиксированным в историческом словаре и грамматике А. А. Барсова.

Таким образом, количество собирательных образований в форме бывшего среднего рода (подобно исконно согласованным формам) сокращается в указанный период до обозначения чисел первого десятка.

Показательна также употребительность отдельных падежных форм собирательных наименований. Полученные нами данные красноречиво свидетельствуют о том, что даже у лексем, до-

вольно широко использовавшихся в литературной практике XVIII века (*двое, трое*), *формы косвенных падежей становятся большой редкостью* (сведений о предшествующем периоде у нас, к сожалению, нет). Позиции собирательных здесь активно занимают количественные числительные. Так, в сочинениях Н. Карамзина: «*двое молодых немцовъ*» (Письма рус. пут., ч. 1, с. 32), «*двое товарищей, Капитанъ и Поручикъ*» (там же, ч. 1, с. 101), «*двое муштинъ*» (там же, ч. 1, с. 183), «*двое молодых студентовъ*» (там же, ч. 2, с. 6), но «*на двухъ юныхъ сыновъ*» (там же, ч. 2, с. 203), «*двухъ воиновъ*» (Мелина, 1803, с. 33), «*двумя стариками*» (Нат. бояр. дочь, 1797, с. 302), однако и «*троихъ детей*» (Письма рус. пут., ч. 1, с. 151) (хотя здесь, по всей вероятности, «виновата» форма существительного); у В. Тредиаковского в «Аргениде» (1751): «*двое чужестранныхъ*» (с. 25), «*двое вооруженныхъ бѣжало*» (с. 4), но «*молитвы трехъ отроковъ*» (с. 131).

Еще более убедительны случаи параллельного функционирования двух форм числовых наименований в одном контексте, где номинатив выражен собирательным словом, а форма косвенного падежа – количественным нумеративом: «*двое* чувствуя голодь восхотятъ насытитися однимъ кускомъ; кто изъ *двухъ* большее к приобретению имѣть право» (Рад., Пут. П. М., с. 103). Современную норму употребления числительных в косвенных падежах при существительных Pluralia tantum отражает следующий пример: «во единые от техъ *двухъ* врата» (Геогр. ген., 1718, с. 129).

Особого внимания заслуживают формы косвенных падежей от субстантивированных форм собирательных нумеративов. Важно, что именно они составляют практически половину (6 из 11) всех косвенных падежей, зафиксированных нами в рассмотренном материале. Впрочем, и здесь случаи, связанные с заменой косвенного падежа собирательного количественным числительным, встречаются несколько раз: «сихъ трехъ созвавъ тайно, такъ прежде началъ говорить Мелеандръ» (Тред., Арген., с. 306), «лишь двухъ зреть насъ удостоятъ» (Княжн., Вадим Новг., с. 3), «что тяжущимся двумъ чужое присудили» (Капнист, Ябеда, с. 106), «онъ въ насъ только въ двухъ раздѣлионъ» (Княжн., Траур, с. 162).

Таким образом, наблюдавшийся преимущественно в начале XVIII столетия процесс «смешения» форм косвенных падежей собирательных и количественных нумеративов, обусловленный их семантическим неразличением в роли присубстантивного определения, в конечном итоге привел к функциональной предпочтительности последних.

5. При анализе числовых образований в номинативе особенно показательно **сокращение синтагматической валентности собирательных числительных**, генетически восходящих к формам среднего рода. Если в старорусский период категория одушевленных субстантивов,

возможных в сочетаниях с собирательными лексемами, включала в себя, помимо наименования лиц, названия животных (как взрослых, так и детенышей) независимо от родовой принадлежности последних, то в XVIII веке устанавливается следующее правило употребления: «...кроме человека о прочих животных не говорится: *шестеры лошади, двои слоны* несвойственно, но: *шесть лошадей, два слона*»; или еще: «...о скотах *сии* числительныя не употребляются, но простыя первообразныя» (Краткия правила Российской грамматики, 1784, с. 222).

В памятниках деловой письменности XV–XVII веков имеется немало примеров употребления названий животных с собирательными счетными словами: *триццатеро куровъ, двое лошадей*, в родительном падеже – *деветера свиной* и т. д.; относительно последующего исторического периода в нашем арсенале есть всего лишь один такой случай: «меж собою двое в домѣ Пѣтуховъ дрались» (Тред., Соч. и пер., 1752, т. 1, с. 210). По всей видимости, маркированность подобных количественно-именных сочетаний как атрибутов сугубо «приказного» слога не позволила им войти в литературный язык, оставив просторечными синтагмами, при этом в ненормированной речи они встречаются и сегодня. Ср. в XIX веке у Даля – *восьмеро лошадей, пятеро волков*, а также: «Все семеро только что приехавших *псов* вышли из нее» (Куприн, Собачье счастье) [13; 81].

Возможно, в этом процессе сыграло свою роль и общее сужение сферы употребления собирательных лексем. Если в сочетаниях с названиями лиц использование собирательных числительных могло быть поддержано значением субстантивированных форм этих числовых обозначений, то конструкции с наименованиями животных соответствующей опоры в языке не имели.

Об употреблении собирательных нумеративов с названиями неполнолетних существ грамматики молчат. Нам эти слова в соединении с числительными также не встретились, однако их тесная смысловая связь со словом «дети» (см. «детвора» – др. рус. *дѣтѣва*), при котором в употреблении до сих пор предпочтительнее формы собирательных наименований, а также супплетивизм грамматических форм, характерный для образований типа *котята*, в известном смысле сближающий данные существительные с такими лексемами, как *сани, грабли* [15; 109], как нам кажется, определили сохранность подобных конструкций в языке.

Проанализированный выше материал показывает, что динамика собирательных числительных в русском языке была обусловлена не только собственно морфологическими факторами и развитием грамматической абстракции: **ряд изменений был непосредственно связан с жанрово-стилистическим вкусом эпохи.**

К такому роду явлений, безусловно, относится и запрет на употребление собирательных на-

именований в сочетании с названиями лиц высокого социального статуса, который был провозглашен в грамматике Ломоносова: «...сие употребляется только о людяхъ, и то по большей части niskихъ. Ибо неприлично сказать *трое бояръ, двое архіереевъ*, но *три боярина, два архіерея*» [9; 558].

Однако, судя по всему, данный принцип в языке XVIII столетия даже в послеломоносовский период соблюдался непоследовательно. Важную роль в этом сыграла общая демократизация языка – фактор, отрицательно повлиявший на закрепление в речи установленного канона, по мнению Л. А. Булаховского [4; 336]. Отчасти, вероятно, это можно объяснить и тем, что немало существительных со значением лица трудно, а зачастую и невозможно было, как нам кажется, дифференцировать по указанному Ломоносовым признаку, см., например, «*двое немцовъ*», «*двое камчадаловъ*», «*двое подростковъ*» и др.

Думается, что трудности возникали и при осознании стилистической окраски новых заимствованных лексем с той же семантикой. Так, в одном из переводов, выполненном В. П. Световым (автором одной из послеломоносовских грамматик), можно увидеть следующий пример: «**Пятеро провизоровъ** подтверждаютъ большинствомъ голосовъ все то, что учинять имѣющія правительство особы» (Бишинг, Осман. гос, 1770, с. 184), где речь идет о лицах достаточно высокого социального статуса.

В результате действия всех этих факторов за собирательными наименованиями в конечном итоге закрепилось употребление с любыми существительными, имеющими значение лица (при том не без грамматической поддержки субстантивированных форм). Однако ломоносовская традиция все же оставила свой след в современном языке: в строго официальном стиле рекомендуется сочетать названия лиц (прежде всего, тех, которые представляются значительными: *академик, генерал, профессор*) с количественными числительными.

6. Как уже было отмечено выше, в XVIII веке форма именительного падежа нумератива на *-о*, по сути, оставалась единственным собирательным образованием, в определенной степени сохранявшим семантическую специфику, однако соотносительность этой словоформы с другими собирательными нумеративами определила ее дальнейшую судьбу: и без того неярко выраженные «субстанциональность» и связь с категорией лица постепенно начинают уступать довлеющему в других падежах количественному признаку.

Синонимичные формы номинативов в сознании говорящих постепенно становились вариантами, отражающими одно и то же содержание, что неизбежно вело к *исчезновению одной из форм*, наиболее неустойчивой в контексте общей грамматической системы данного класса слов. Ею стала форма *двои* не только благодаря фонетическому сходству с *двое, трое* и узкой сфере употребления

(Л. А. Булаховский, Л. И. Станкевич), но и, в первую очередь, потому, что противоречила общей системе словоизменения числительных, прочно к этому моменту закрепившей оппозицию «прямой – косвенный».

Нарастающую тенденцию к функциональному объединению старого и нового номинативов отражают следующие языковые явления:

- употребление одной формы именительного падежа в значении другой – «соленую рыбу вымачивать надлежит *двое сутки*» (Кн. повар., 1775, с. 222);
- использование типа связи, не соответствующего смысловому контексту сочетаний с собирательными числительными – «*чулковъ двои*» (Матер. ист. АН, 1716–1750, с. 307).

Небезынтересны как иллюстрация к последнему из вышеназванных явлений уже отмеченные нами у М. В. Ломоносова синтагмы *шестеры лошади* и *двои слоны*: этимологически с такими существительными употреблялась форма номинатива на -о. То же грамматическое безразличие форм собирательных наименований к сочетаемости с этими субстантивами демонстрируется и в более поздней по времени создания грамматике В. П. Светова, дублировавшей ломоносовские установки: «...а не свойственно сказать... *шестеры лошади, двои слоны* или *двое слоновъ*, но... *шесть лошадей, два слона*» (Светов, 1790, с. 157), хотя не исключено, что автор здесь просто пытается «подправить» предложенный Ломоносовым иллюстративный материал. Показательно, что данная правка коснулась только лексемы *двое*, которая, будучи более употребительной, гораздо сильнее и дольше была сопряжена в языковом сознании носителей языка с определенным контекстом.

В целом функционирование старой и новой форм в XVIII веке еще достаточно сильно было обусловлено традицией, поскольку количество подобных нарушений в нашем материале не велико. Характерно, что первые случаи неразличения собирательных номинативов были отмечены именно в грамматиках рассматриваемого периода, то есть наблюдения филологов-исследователей языка в этом вопросе регистрировали едва наметившуюся тенденцию употребления.

ВЫВОДЫ

1. Анализ исторического развития собирательных числительных в XVIII веке показывает, что под влиянием более абстрактных количественных образований в семантической структуре нумеративов *двое*, *трое* и др. все больше обна-

руживается тенденция к стиранию конкретных значений предметности, качественности, а значит, тенденция к грамматической отвлеченности более высокой степени.

2. Единство грамматической семантики ведет к обобщению функций количественных и собирательных наименований. В связи с развитием образования, науки, техники, широко актуализирующим употребление счетных слов, этот процесс особенно активизируется в XVIII веке. В языке первой половины столетия он обнаруживается в функциональном смешении названных грамматических разрядов – использовании одних форм числительных в роли других (*двоихъ дней, трои доли*); в дальнейшем данное явление характеризуется сужением употребления непродуктивных и малочисленных собирательных образований как в косвенных падежах, так и в номинативе (*двухъ вратъ, шесть лошадей, три боярина*).

3. Основные направления данного процесса нами были подробно рассмотрены: состав собирательных лексем и их употребительность в формирующемся литературном языке резко сокращаются; грамматическая парадигма собирательных наименований сужается за счет косвенных падежей (особенно во второй половине XVIII века); значительно уменьшается число алгоритмических дериватов на основе собирательных нумеративов (корнеслов *двое* заменяется на *дву*-, *двух*-); семантически и стилистически ограничиваются возможности синтагматики этих слов.

4. В XVIII веке ведущую роль в системе собирательных счетных наименований приобретает генетически вторичная форма номинатива, восходящая к среднему роду. Благодаря своей синтаксической функции в прямых падежах и связи с категорией лица, она в отличие от нумеративов, выступающих в сочетаниях с существительными Pluralia tantum, обнаруживает более яркую семантическую маркированность в сфере количества (как в составе количественно-именных сочетаний, так и вне их – *двое шли*), тем самым обеспечивая в последующий исторический период сохранение лексико-грамматического разряда собирательных слов в ряду других числовых наименований.

5. В целом, по данным рассмотренных нами источников, система собирательных нумеративов в литературном языке XVIII века представляет собой закономерный промежуточный этап в становлении литературной нормы, наиболее востребованной научно-популярной и художественной сферами функционирования языка.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И ИСТОЧНИКОВ

1. Арифм. Магн. – Арифметика, сиречь наука числительная, сочинися сия книга чрез труды Леонтия Магницкого. М., 1703.
2. Бишинг, Осман. гос. – Бишинг А. Ф. Османское государство в Европе и Республика Рагузская / Из Бишинговой географии переведены на российский язык Васильем Световым. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1774. 216 с.
3. Геогр. ген. – Варениус Б. География генеральная: Небесныи и земноводныи круги купно с их свойства и деиствы. [М.], Июнь 1718. 647 с.

4. Капн. Ябеда – Капнист В. В. Ябеда. СПб.: Изданием Г. Крутицкого: Имп. тип., 1798. 135 с.
5. Кн. повар. – Кохмейстера Андрея Христиана Криста Новая поваренная книга / С нем. на русский пер. А. Соковнин. М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1775. 271 с.
6. Княжн. Вадим Новг. – Княжнин Я. Б. Вадим Новгородский: Трагедия в стихах, в пяти действиях / Сочинена Як. Княжниным. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1793. 73 с.
7. Математ. – Герман Я., Делиль Ж.-Н. Сокращение математическое ко употреблению его величества императора всея России. Ч. 1 / Пер. с фр. И. С. Горлицкий. СПб.: Тип. Акад. наук, 1728. 134 с.
8. Матер. ист. АН – Материалы для истории императорской Академии наук (1716–1750): В 10 т. СПб., 1885–1900.
9. Мелина – Сталь-Гольштейн А. Мелина / Пер. с фр. Н. М. Карамзина. М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1796. 72 с.
10. Описан. корон. Ек. II – Описание аллегорической иллюминации, представленной в день коронации Екатерины Вторья. М.: Универ. тип., 1762. 6 с.
11. Перв. учение отр. – Первое учение отроком. В нем же буквы и слоги... СПб., 1723.
12. Письма рус. пут. – Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. М.: Унив. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797–1801. Ч. 1: 1797. 294 с. Ч. 2: 1797. 309 с. Ч. 3: 1797. 299 с.
13. Попов, Анюта – Попов М. И. Анюта, комическая опера // Собр. соч. и переводов Михаила Попова: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 1772. С. 89–124.
14. Приклады – Приклады, како пишутся комплименты разные / Пер. с нем. на русский язык М. Шафиров. СПб., 1708, в сентябре месяце. 237 с.
15. Путеш. Белла – Белл Д. Белевы путешествия чрез Россию в разныя азиатския земли / Пер. с фр. М. Попов. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1776. 250 с.
16. Рад., Пут. – Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб.: Тип. Радищева, 1790. 453 с.
17. Светов – Светов В. П. Краткия правила ко изучению языка российского. М.: Тип. М. Пономарева, 1790. 190 с.
18. Тред. Аргенида – Баркли Д. Аргенида: Повесть героическая / С лат. на славенороссийский переведенная и митологическими изъяснениями умноженная от Василья Тредиаковского. СПб.: При Имп. Академии наук, 1751. 566 с.
19. Тред., Собр. соч. – Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою Василья Тредиаковского: В 2 т. Т. 2. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1752. 332 с.
20. Триумф. врата – Врата триумфальные в царствующем граде Москве, на вход царского священнейшаго величества, императора всероссийскаго, отца отечества, Петра Великаго с торжеством окончанной войны благополучным миром между империею Россиискою и короною Шведскою. М.: Печатано в Московской типографии, 20 дек. 1721. 9 л.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багрянский И. Д. Имя числительное в русском языке XI–XVII вв.: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1960. 37 с.
2. Барсов А. А. «Российская грамматика» Антона Алексеевича Барсова. М.: Изд-во МГУ, 1981. 776 с.
3. Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. М.: Просвещение, 1976. 208 с.
4. Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Т. 2. Исторический комментарий. Киев: Радянська школа, 1953. 436 с.
5. Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1986. 639 с.
6. Грамматика русского языка. Т. 1. Фонетика и морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 720 с.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. А–З. М.: ГИС, 1955. 669 с.
8. Дровникова Л. Н. Из истории имен числительных в русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1959. 17 с.
9. Ломоносов М. В. «Российская грамматика» // Полн. собр. соч. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 996 с.
10. Матвеева Г. И. Числительные в русских говорах: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1954. 16 с.
11. Станкевич Л. И. История сочетаний количественных числительных с существительными и прилагательными в русском и украинском языках: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Днепропетровск, 1956. 17 с.
12. Современный русский язык: В 3 ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. М.: Просвещение, 1987. 270 с.
13. Супрун А. Е. О русских числительных. Фрунзе, 1959. 172 с.
14. Супрун А. Е. Производные существительные с корнями числительных. Фрунзе, 1953. 68 с.
15. Супрун А. Е. Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи. Минск: Изд-во БГУ, 1969. 232 с.
16. Хабургаев Г. А. Имя числительное // Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М.: Изд-во МГУ, 1990. 295 с.
17. Чеснокова Л. Д. Имя числительное в современном русском языке. Семантика. Грамматика. Функции. Ростов-на-Дону: Гефест, 1997.
18. Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М.: Учпедгиз, 1957. 400 с.